

Биеннале

В подъезде было сыро и темно. Запахи, которые здесь гуляли, вызывали у Любаши неопределенного свойства воспоминания о студенческой столовой времен ее юности.

- Да не бойся ты! – дернула ее за рукав подруга, остановившись перед дверью, обитой облезлым дерматином. – И здесь люди живут...

Для рафинированной генеральской дочки этот поход в гости, судя по всему, не сулил ничего хорошего. Неделю назад они с Аллой, бывшей однокурсницей и подругой, закатились на биеннале – так красиво называлась художественная выставка, на презентацию которой Аллу пригласил ее знакомый художник. Игорь Курапин, высокий седоватый мужчина, весьма импозантный в своем джинсовом пиджаке и с аккуратным агатовым перстнем на правом мизинце, знакомясь с Любашей, элегантно склонился перед ней и, едва коснувшись губами, поцеловал ее руку:

- Игорь...
- Любовь Сергеевна, - робея, пролепетала Любаша.
- Или просто Любовь, - художник шуточно закатил глаза и улыбнулся. – Я уже представляю вас на портрете...

А теперь вот Алла решила показать художнику свои рисунки. Она разузнала у друзей его домашний адрес и решила осчастливить мэтра своим визитом. Для пушей храбрости прихватила с собой Любашу...

Дверь им открыл высокий помятый мужик с седыми включенными волосами, одетый в вязаную женскую кофту бордового цвета, вытянутые треники и стоптанные домашние тапочки. Любаша не сразу узнала в нем Игоря, а когда узнала, невольно ойкнула – так разительно он отличался от элегантного денди на биеннале. Всегда невозмутимая Алла и та растерялась:

- Мы рисунки принесли... Извините, что побеспокоили, - растерянно забормотала она.

Хозяин дома быстро взял себя в руки и, стараясь не смотреть на Любашу, посторонился и сурово произнес:

- Прощу!
Подруги проскользнули в приоткрытую дверь. В ту же секунду перед ними разверзлась картина «Последний день Помпеи». Или что-то в этом роде. Грязно-серые тюлевые занавески на окнах, засаленный диван с непомерно высокой спинкой, колченогие стулья вдоль стены, заваленный каким-то бархламом круглый стол посреди комнаты. Стоящий на треноге мольберт в дальнем углу – единственное, что напоминало о причастности хозяина к живописи. Из-за старинной, давно утратившей краски ширмы на них смотрели безумные глаза еще одного обитателя квартиры – неопределенного возраста лицо мужского пола, одетое в поношенный махровый халат.

- Знакомьтесь, это мой брат, Николай, - хозяин, как ребенка, вывел за руку Николая из-за ширмы. – Коля, поздоровайся с барышнями...

Николай в ответ издал несколько нечленораздельных звуков и, испуганно озираясь, снова юркнул за ширму.

- Ему повсюду чудятся санитары – боится, что опять заберут в психушку, - смягчился Игорь. – Вообще-то он безобидный... И очень талантливый.

Спустя некоторое время, когда гости, поджав ноги, сидели на придвинутых к столу стульях, он демонстрировал им матерчатых кукол, восковых солдатиков, одетых в исторические костюмы:

- Коля делает все это по заказу кукольного театра, в точности следуя эскизам, - с гордостью рассказывал Игорь. Он, видимо, уже окончательно свылся с безвыходностью своего положения и даже повеселел:

- Может, чаю хотите? – не дожидаясь ответа, шагнул в сторону кухни.
- Я вам помогу, - внезапно осмелевшая Любаша поднялась вслед за ним.
Едва они оказались на кухне, Игорь резко повернулся к ней:
- Зачем вы пришли? – он сморщился, как от боли. В его голосе было столько искреннего страдания, что Любашино сердце сжалось в комок. – Зачем вы пришли сюда, Любочка?!

Эту фразу он потом повторял в течение всего вечера всякий раз, когда оказывался один на один с Любашей.

ности следуя эскизам, - с гордостью рассказывал Игорь. Он, видимо, уже окончательно свылся с безвыходностью своего положения и даже повеселел:

- Может, чаю хотите? – не дожидаясь ответа, шагнул в сторону кухни.
- Я вам помогу, - внезапно осмелевшая Любаша поднялась вслед за ним.

Едва они оказались на кухне, Игорь резко повернулся к ней:
- Зачем вы пришли? – он сморщился, как от боли. В его голосе было столько искреннего страдания, что Любашино сердце сжалось в комок. – Зачем вы пришли сюда, Любочка?!

Эту фразу он потом повторял в течение всего вечера всякий раз, когда оказывался один на один с Любашей.

конца...

А потом отца направили в Афганистан. Слово «война» тогда старались вслух не произносить, но Игорь – старший из братьев – знал, что отец воюет с афганскими моджахедами под Кабулом, где наши войска выполняют интернациональный долг. По крайней мере, так писали в газетах и так говорила мама. Так было потом написано и в похоронке: «Погиб, выполняя интернациональный долг».

На этом счастье семьи Курапиных закончилось. Видимо, спасаясь от воспоминаний, мать решила переехать к родным – в город на Волге. Игорь уехал в Москву поступать в художественную академию имени Сурикова. А когда, окончив ее, вернулся домой, от прежнего домашнего очага

жие один на другой. У каждого из братьев были свои радости: Игорь перебивался случайными романами, которые, как правило, заканчивались в тот день, когда он приглашал подругу в свой дом, а для Николая всякое появление брата уже было праздником...

Новый режим, установившийся в стране, сделал художника свободным. Игорь оставил школу, где ученики, в большинстве своем бездарные, уныло заштриховывали карандашами кубы и пирамиды, работал оформителем витрин, дизайнером интерьеров, рисовал картины на заказ. Время от времени принимал участие в выставках и постепенно становился известным. Во всяком случае, в городе на Волге...

тек довольно быстро утешился и полетел собирать пыльцу с других цветов.

- Раздолбай! – только и сказал отец, узнав про эту историю. – Хорошо, детей не успели завести...

Впрочем, о том, что не успели завести детей, Любаша жалела. Неумолимо приближалась тридцатник, она уже примеривалась поставить на своей семейной жизни крест. Ее разведенные подруги, побывавшие замужем не раз и не два, вполне довольствовались тем, что имеют: преуспевающий бойфренд и отсутствие каких-либо обязательств. А подруга Аллочка так и говорила:

- Запомни, мужик - это как общественный туалет: либо занят, либо сплошное дерьмо...

На тех, кто «занят», Любаша, получившая весьма благородное воспитание, не смотрела. А остальные... Остальные, если говорить честно, больше смотрели на ее подруг.

Игорь стал, пожалуй, первым исключением. На той выставке, и это было всем присутствующим понятно, из пестрой толпы поклонниц живописи он сразу выделил ее, Любашу. Но, столкнув их тогда мимолетными взглядами, жизнь опять закружилась в нескончаемом карнавале и пошла дальше, унося в своем вихре обрывки дорогих фраз и жестов. Если бы не этот, организованный Аллой, поход в гости...

Когда они прощались, Игорь не надолго задержал ее руку в своей:

- Мне очень жаль.
О чем он жалел? О том, что Любаша увидела его убогое жилище? Узнала про болезненность брата? О том, что ее постигло разочарование?.. Но она и сама не знала, как называется это чувство, которое она испытала в доме художника. Удивление? Жалость? Сочувствие?.. Но то, что небрежливость, это точно. Даже глупенький Коля не отсиделся за ширмой и, приблизившись, в конце концов, протянул ей куклу – матерчатого гнома в красной курточке, полосатых чулочках и золотистом колпачке:

- На!
Отставной генерал Зимин

А еще через пару месяцев Любаша пригласила Игоря в гости.

- Поужинаете с нами? – зашептала Нина Ивановна, Любашина мама, смутившись от присутствия такого импозантного мужчины – нового Любочкиного знакомого. В гостиную вышел глава семейства – в коротком замшевом шлафроке, так он называл свою домашнюю куртку, поверх расстегнутой только на одну пуговицу светлой рубашки, протянул гостью руку:

- Зимин...
- Курапин Игорь Андреевич, - почтительно отрекомендовался Любашин знакомый.
- Курапин? – отставной генерал заметно напрягся, вглядываясь в Игоря. – А отец - Андрей Николаевич?

- Так точно, - почему-то по-военному ответил Игорь, встав по стойке «смирно».

- Командир разведроты? Погиб под Кабулом? – Все еще не верил генерал... А когда вдруг узнал в седоватом художнике черты своего бывшего ротного, сдавленным голосом, глотая ком, почти прошептал:

- Ниночка, это сын Андрея... И забыв, что уже здоровался:

- Зимин... Ну, здравствуй, сынок!

Пути Господни

Татьяна ЧИНЯКОВА

Карнавал совпадений свел их судьбы

Ил-был художник...

А как все хорошо начиналось. Отец Игоря и Николая, кадровый военный, служил в Закавказье. Воспоминание детства двух братьев – море, солнце, спелые абрикосы... И, конечно же, мама – красивая женщина с миндалевидными глазами и густой волной каштановых волос, схваченной на затылке цветной атласной лентой. По воскресеньям, если отец был не на службе, он брал в руки баян и, пока жена управлялась на кухне с пирогами, под собственный аккомпанемент негромко пел «Славное море, священный Байкал...» А потом все четверо садились за стол и, обжигаясь, тянули с большого глиняного блюда только что вынутые из печки пирожки – с мясом, с курагой, запивая их холодным, из погреба, молоком. И казалось, что этой их беззаботной жизни не будет

осталось пепелище: одичавшая двухкомнатная квартира в старом доме и не сразу узнаваемый его младший брат. Ярким мартовским утром однажды, вынув из петли окоченевшее тело матери, Николай, как принято говорить, тронулся умом и теперь жил один под присмотром сердобольных соседей.

Первое время Игорь еще пытался как-то наладить свою жизнь. Женился на милой светлоглазой девушке: в той школе, где он преподавал рисование, Ларочка работала секретарем директора. Она-то и уговорила его отправить Колю в интернат, мол, ему там будет лучше. Но, приехав однажды навестить больного, Игорь не выдержал - младший брат что было силы обнял его за шею и плакал навзрыд, не разжимая рук, до тех пор, пока Игорь не выдохнул: «Поехали домой!»

Тем же вечером Ларочка ушла. И потянулись дни – бесхитростные и тусклые, похо-

Любовь – огромная страна

Две первых от рождения недели, как и следовало по давнему уговору родителей, она была Танюшей. Но потом пришло письмо отца из Москвы, из госпиталя Бурденко:

«Солнышко мое, ангел-хранитель мой бесценный, - писал жене подполковник Зимин, - если я еще успел с письмом, у меня к тебе просьба. Будешь регистрировать дочку, назови Любашей - так зовут хирурга, которая меня оперировала. Конечно, если был бы сын, попросил назвать Андреем, по имени командира разведроты, заслонившего меня от пули. Но его я и так не забуду, ему мы с тобой обязаны нашим счастьем...»

Подлечившись, подполковник вернулся в строй. И опять попросился в Афган: сердце горело от обиды за погибших ребят. Перед отправкой успел побывать дома - обнять жену, покать новорожденную дочку...

Когда Любаша пошла в первый класс, подполковник уже стал генерал-майором. И – воспоминание детства – первого сентября ее родители стояли на школьном дворе в толпе таких же, как они, других родителей, только отец был в форме, и мальчишки с ума сходили при виде лампасов и боевых наград на его кителе. Они потом и к самой Любаше уважительно относились: не всякий отважится дернуть за косичку генеральскую дочку. И хотя Любашу большей частью воспитывали мама и бабушка – отец по обыкновению пропал на службе, – она всегда помнила, чья она дочь...

На втором курсе университета вышла было замуж, но неудачно и потому не надолго. Случайно увидев однажды своего благоверного – разбитного остряка и красавчика Витьку с смазливой бабенки, Любаша горевала не от ревности. Ее так сильно захлестнуло неведомое ранее чувство брезгливости, что она немедленно выставила его скромные пожитки на лестничную площадку без объяснений. Поняв, что реабилитация не состоится, Ви-